

С. Н. Глинка

**Русские в доблестях своих, в
вере, верности и в любви
своей к престолу и отечеству**

Книга 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. Н. Глинка**
Русские в доблестях своих, в вере, верности и в любви своей к престолу
и отечеству: Книга 2 / С. Н. Глинка – М.: Книга по Требованию, 2015. – 59 с.

ISBN 978-5-518-06360-0

ISBN 978-5-518-06360-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Жилъ ли кто великъ или малъ?
Будеть всѣмъ одна дорога
До могилы и до Бога.
Съ чѣмъ же къ Богу мы пойдемъ;
Что возмемъ за гробъ съ собою?
И съ казною золотою
Тамъ спасенья не найдемъ.
Правда — всѣхъ сокровищъ краше;
Все, что здѣсь, — на время наше;
Ктожъ ко всѣмъ любовью жилъ:
Въ небо путь тотъ проложилъ.
На исходѣ дней и жизни,
До другой для насъ отчины,
Въ мысляхъ сладостно читать,
Сердцу весело сказать:
«Люди Русскіе! живите
Много, много красныхъ лѣтъ!
И въ умъ своею храните:—
Гдѣ любовь, тамъ и совѣтъ.»

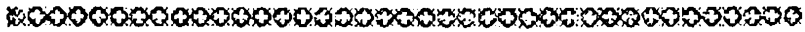
14 Юня 1842 года.

Ц.

«ГОСУДАРЬ ВЪ МОСКВѢ! ГОСУДАРЬ ВЪ
КРЕМЛѢ!»

ПОВѢСТКА

1812 года июля 12.

Г.

НЕБЕСА ПОВЪДУЮТЬ СЛАВУ БОЖИЮ.

(Давидъ.)

Въ великой 1812 годъ не перо человеческое, само небо писало судьбу нашествія и жребій Россіи. Судьбу нашествія высказывало Оно голосомъ громовъ и блистаніемъ молніи. Жребій Россіи выставляло сіяніемъ солнца лучезарнаго. Это исторія; и исторія, ознаменованная печатью неба. «Едва, говоритъ французскій историкъ большой арміи *Наполеона*: едва переступили мы черезъ Ньмань, день затмился; порывистый вихрь пагналъ на мрачный небосклонъ раскаты ужасныхъ громовъ. Съ неба грознаго слетали облака огненные, какъ будто усиливаясь загородить намъ путь. И самыя сердца безтрепетныя невольно содрогнулись.

Вотъ, что встрѣтило нашествіе въ первой половинѣ Іюня 1812 года.

А какое солнце блистало на небосклоне Москвы тысяча восемьсот двенадцатаго, года, въ день свиданія Царя Русскаго съ народомъ Московскимъ! И какой былъ этотъ день! То былъ праздникъ любви сердечной; любви къ Царю и къ краю родному.

Праздникъ безмертный и незабвенный для тѣхъ, кто его видѣлъ.

Съ мельканіемъ первыхъ лучей зари утренней, проснулась Москва и все проснулось въ Москвѣ. Радостная вѣсть: *Государь въ Москву! Государь въ Кремль!* облетала и палаты бояръ и князей, гдѣ еще гостила привольная роскошь; и убогіе пріюты, откуда накануне бѣдняки Московскіе, сложивъ съ плечъ нищенскія котомки, спѣшили вмѣстѣ съ сонмами гражданъ и жителями Московскими на встрѣчу Государя. Но вчера, Юля одиннадцатаго, не судилъ Богъ видѣть Царя ни князьямъ, ни боярамъ, ни гражданамъ, ни убогой братіи. Вчера Царь небесный подъ завѣсою ночи подвелъ Царя земнаго въ окрестностяхъ Москвы, подъ святое знаменіе любви божественной.

II.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

1812 года Июля 12.

ВЫХОДЪ ГОСУДАРЯ ИЗЪ ГРАНОВИТНОЙ ПАЛАТЫ.

«Надъясъ Твоего прихода,
Какое множество народа
Тебѣ во срѣтенъе течесть!
Встають верьхи рѣчейски выше,
Течесть Нѣва, Двиньрѣ, Волга тише,
Желая твой увидѣть свѣтъ.»

(*Долмоносозъ.*)

II.

СОБЫТІЯ ИЗЧЕЗАЮТЪ; ХОЛОДНАЯ ДЛАНЬ СМЕРТИ СМЪЖАЕТЪ ГЛАЗА, ВИДѢВШІЕ БЫЛОЕ; ПРЕДАНІЯ УГАСАЮТЪ, ПОДОВНО ПЛАМЕНИ, ОТДАННОМУ НА ВОЛЮ ВѢТРА: КТО ЖЕ ПРОЩЕБНЕТЪ ТАЙНУ ВѢКОВЪ?

Тотъ, кто изъ ничега вывелъ то ясное солнце, которое сіяло надъ Москвою и разливало яркій блескъ свой надъ Кремлемъ тысяча восемь сотъ двѣнадцатаго года Іюля двѣнадцатаго? Тотъ кто изъ тысяча шесть сотъ двѣнадцатаго года вывелъ нашъ *двѣнадцатый* годъ, тотъ Богъ помогъ сердцамъ Русскимъ сберечь завітную любовь къ краю родному.

И любовь родная движетъ сердца и вмѣстѣ съ ними, какъ будто движетъ всю первопрестольную столицу на Красную площадь, къ чертогамъ Кремлевскимъ, гдѣ былъ Государь.

Что еслибъ въ этотъ день, по какому нибудь чуду, раздвинулось все то, что отъ вождя двадцати народовъ отдѣляло Москву и Красную площадь; что увидѣлъ бы онъ?

Вотъ какое зрѣлище предстало бы взорамъ его.

Быстрѣе лучей солнечныхъ, разлетавшихся по главамъ церквей Московскихъ, тысячи сонмовъ народа часъ отъ часу болѣе стекались въ Кремль и на Красную площадь. Не осталось на ней ни одного ступня пустаго: все было занято. Зрѣлище единственное! Люди престарѣлые шли, опираясь на костыли или поддерживаемые юными внуками; матери сѣвшили съ грудными младенцами и безбоязненно тѣснились между народомъ. Опустѣли дома; Москва переселилась въ Кремль. Все взоры, все сердца устремлены были къ Царскимъ чертогамъ. Все души были на петербургской стражѣ того мгновенія, когда выйдетъ Государь.

И вышелъ Царь Русскій изъ палатъ праотцевъ своихъ; вышелъ,—и, какъ Ангелъ Божій явился на Красномъ крыльцѣ. Слы-

шу и теперь, какой раздался торжественный звонъ и на колокольнѣ Ивана Великаго и по всеѣмъ церквамъ Москвы исполненной! А съ этимъ невыразимымъ звономъ, какъ будто вызывавшимъ небо на землю, сливались восклицанія безчисленныхъ сонмовъ народа: *Ангелъ нашъ! Царь-Государь! Отецъ нашъ! веди насъ куда хочешь! Пойдемъ; всѣ пойдемъ! Умремъ или побѣдимъ!*»

И съ этими душевными восклицаніями смѣшивались и слезы и рыданія; не отъ страха, не отъ боязни, но отъ глубокой сердечной жалости по сторонѣ родной; но отъ живаго чувства любви къ Царю-Отцу.

Съ открытою головою, съ очами, сіявшими любовью къ народу, Государь нѣсколько мгновеній стоялъ на Красномъ крыльцѣ. Безмятежно, свѣтло было прекрасное Его лице, какъ ясное солнце, блещавшее на голубомъ Московскомъ небосклонѣ. Въ душѣ Его раздавался голосъ любви народной, въ сердечныхъ откликахъ выражавшейся передъ лицомъ соборовъ

священныхъ. Здѣсь, въ этотъ день, въ этотъ часъ, Москва, затѣснившаяся въ стѣны Кремля, жизнью своей ручалась за жизнь земли Русской и сдержала слово свое и предъ лицомъ Отечества и предъ лицомъ вселенной.

Этотъ день и этотъ часъ, Русскій поэтъ нашъ Василій Андреевичъ Жуковскій переложилъ въ душевные стихи свои.

Вотъ они:

«Пусть вѣрности обѣтъ, отечество и честь
Велятъ намъ за Царя на жертву жизнь принести.
Отъ подданныхъ Царю коленнопреклоненье!
Но дань свободная, дань сердца, уваженье
Не власти, не вѣнцу, но человѣку дань.»

Это живая лѣтопись двѣнадцатаго Юля 1812 года. Дань чистая, дань святой любви приносилась первому сыну Россіи; этотъ день былъ подлиннѣмъ, имяниннымъ днемъ Александра Перваго. За него и какъ за человѣка, горячо любимого сердцами и какъ за Царя, не усумнившегося въ сынахъ Россіи; за него и для него по мановенію длани его готово было